

Цзян Сяочжоу по уровню своего совершенствования вполне мог летать на мече, но его самый первый полет закончился сокрушительным провалом. Оказавшись в небе, он от ужаса мертвой хваткой вцепился в клинок и кубарем полетел вниз. С тех пор страх высоты врезался в его память намертво, и юноша наотрез отказывался верить, что стоять на парящей в пустоте полоске стали — это безопасно.

Здесь ведь не существовало правил воздушного движения! Мало ли что может случиться в облаках: вдруг покачнешься и сорвешься? А если кто-то полетит навстречу на бешеной скорости, грубо нарушая невидимые границы? Или посреди пути внезапно иссякнет духовная энергия, и ты камнем рухнешь на землю?

Словом, оправданий у него хватало, и возвращаться к тренировкам он не желал ни под каким предлогом. В свое время обучать его пытался Мин И. Выслушав бесконечный поток жалоб, старейшина лишь мягко усмехнулся и не стал неволить ученика.

Когда же об этом полюбопытствовал Цзян Чангэ, Мин И спокойно ответил:

— Когда придет время, он всему научится сам.

Байли Фэн развернула защитный барьер, отсекая свирепый свист ветра и пронизывающий холод. Она устроилась впереди, а Цзян Сяочжоу примостился позади нее.

— Я свяжусь с отцом, пусть распорядится подготовить все необходимое, — обернулась она к нему. — Как только прилетим, сразу приступим к заключению контракта.

— Погоди... — донесся сзади негромкий, унесенный ветром голос Цзян Сяочжоу. — А кто твой отец?

— Глава Секты Повелителей Зверей.

Цзян Сяочжоу искренне восхитился:

— Ого. Внушительно.

— Твой отец куда сильнее, — отмахнулась Байли Фэн. — Он ведь сам основал Секту Меча Лянъи. А мой лишь пользуется тем, что оставили предки. О Секте Повелителей Зверей вспоминают разве что тогда, когда нужно купить хорошего духовного зверя.

При упоминании Цзян Чангэ юноша спохватился:

— Нужно связаться с феей Лэчи. Мы улетели в такой спешке, что я даже не предупредил ее.

Дальность техники передачи звука была не безгранична. С его нынешними силами еще немного — и расстояние до Секты Меча Лянъи станет слишком велико для мысленного призыва.

Байли Фэн согласно кивнула:

— Хорошо. Только держись за мою талию, сейчас Шуаншуан прибавит ходу.

Она сказала это совершенно буднично, и Цзян Сяочжоу не придавал ее словам особого значения. Но все-таки перед ним была девушка, пусть и практикующая, поэтому он деликатно ухватился лишь за край ее верхнего одеяния. Сосредоточившись, он потянулся мыслью к фее Лэчи.

"Фея Лэчи, Сяо Бай поражен проклятием крови. Мы с девой Байли спешим в Секту Повелителей Зверей. Вернемся через пару дней".

Ответ пришел не сразу, словно собеседница обдумывала новость:

"Ступай со спокойной душой, в Секте Меча Лянъи все под моим присмотром".

"И еще... передайте, пожалуйста, Сяо Юэ, что я улетел".

"Ох, и подкинул же ты мне забот! — в голосе феи Лэчи послышалось искреннее ехидство. — Ты сбежал, а Сяо Юэ теперь места себе не находит от злости. Вот вернешься — сам будешь его убажывать и вымаливать прощение".

При мысли о младшем брате Цзян Сяочжоу невольно улыбнулся:

"Разумеется, так и сделаю".

Стоило ему оборвать связь, как двухголовый феникс мощно взмахнул крыльями и резко рванул вперед. От неожиданного рывка у Цзян Сяочжоу перехватило дыхание. Он инстинктивно подался вперед и крепко вцепился обеими руками в полы дорожного плаща Байли Фэн.

Они оказались в опасной близости друг к другу. Несмотря на плотную ткань одежд, преграждавшую путь прямому прикосновению, Байли Фэн отчетливо ощутила чужое дыхание у себя за спиной и то, с какой силой юноша сжал ткань ее плаща.

Прежде она никого не пускала на спину Шуаншуан. Ни один человек не приближался к нему так близко, и от этого внезапного ощущения она невольно напряглась, словно натянутая

тетива.

— Прости... — смущенно пробормотал над ее ухом Цзян Сяочжоу. — Я немного... побаиваюсь высоты.

Это не было паническим страхом, но высоты он действительно недолюбливал. Особенно когда его несло вперед на безумной скорости. Если бы не упрямое желание сохранить лицо перед прекрасной спутницей, он бы давно зажмурился.

— Тогда прижмись ближе и просто не смотри вперед, — не подумав, обронила Байли Фэн. Но тут же в красках представила себе эту картину и мысленно охнула. Нет, лучше не надо, это выглядит чересчур двусмысленно...

К счастью, Цзян Сяочжоу не стал прижиматься к ней плотнее — возможно, просто не расслышал из-за свиста ветра. Девушка вздохнула с облегчением, хотя в глубине души шевельнулось необъяснимое разочарование.

Пытаясь разобраться в сумбуре собственных мыслей, она вдруг осознала одну вещь: Цзян Сяочжоу все это время упорно держал дистанцию.

Именно физическую дистанцию. Они провели бок о бок немало времени, успели сблизиться и подружиться, однако он никогда не позволял себе случайных прикосновений к ее коже, а во время полета всегда усаживался так, чтобы между ними оставался зазор.

Да он к ее двухголовому фениксу ластился охотнее, чем к ней самой!

От этой мысли на душе у нее сделалось как-то скверно. Она ведь из кожи вон лезла, чтобы помочь ему, искренне считая их добрыми друзьями, а на деле оказалось, что юноша все еще чуждается ее общества.

— Послушай, — у нее не было привычки копить обиды в себе, так что она спросила напрямик: — Я тебе неприятна?

Цзян Сяочжоу искренне изумился:

— Да как такое вообще могло прийти тебе в голову!

Байли Фэн нахмурилась и слегка повернула голову:

— Тогда скажи, я кажусь тебе красивой?

— С моим скромным жизненным опытом могу сказать с полной уверенностью: среди всех дев-совершенствующихся ты — самая прекрасная, кого мне доводилось встречать, — со всей искренностью отозвался Цзян Сяочжоу.

— Так почему ты вечно держишься от меня на расстоянии вытянутой руки? — без обиняков надела на него девушка. Ей претили недомолвки и пустые догадки.

Цзян Сяочжоу даже руки разжал от удивления:

— Мужчинам и женщинам не пристало быть излишне близкими, госпожа моя. Разумеется, я обязан соблюдать приличия и держать дистанцию.

К тому же она являлась нареченной невестой Чжоу Ци, а Сяочжоу меньше всего на свете хотелось примерить на себя роль незадачливого покойника, посягнувшего на гарем главного героя.

— Ах, это... — Байли Фэн замялась и прикусила губу. — На самом деле... видишь ли, я не совсем женщина.

Цзян Сяочжоу онемел.

Вот это поворот! Невеста главного героя оказалась переодетым парнем?!

— Особенности нашего племени таковы, что до наступления совершеннолетия мы способны менять пол, — поспешил объяснить он. — Я ведь еще не взрослый. У фениксов самцы зовутся «фэн», а самки — «хуан». Мне казалось, я веду себя достаточно мужеподобно, чтобы это было заметно.

Кое-как переварив услышанное, Цзян Сяочжоу с трудом уточнил:

— Но... когда ты повзрослеешь, то все равно ведь выберешь женский облик?

— Совсем не обязательно.

— Значит, ты... настоящий феникс? — в глазах Цзян Сяочжоу вспыхнул искренний интерес. Легендарные птицы всегда будоражили его воображение.

— Да откуда! — рассмеялся спутник. — Фениксы — древние божественные звери, на всем континенте Цяньюань не сыскать ни одного чистокровного. Наш род происходит от союза смертных практиков и фениксов. К моему поколению священная кровь почти полностью иссякла, от предков осталась лишь эта причуда со сменой пола до зрелых лет.

Познания Цзян Сяочжоу о законах этого мира пополнились новой удивительной главой. В оригинальном романе о происхождении Байли Фэн не говорилось ни слова. Он даже толком не помнил, была ли именно она той самой суженой из Секты Повелителей Зверей, но, судя по его статусу единственного наследника главы, сомневаться не приходилось.

Теперь становилось ясно, откуда в его характере сквозила эта дикая, обезоруживающая прямота, свойственная диким зверям. В его жилах действительно текла кровь истинных хозяев лесов.

Между тем Байли Фэн все никак не мог успокоиться из-за разговора о внешности:

— Какая бы кровь во мне ни текла, толпы практиков постоянно так и вьются вокруг, пытаюсь снискать мое расположение.

И это было чистой правдой — иначе те трое учеников из Секты Меча Лянъи не расстались бы с жизнью столь глупым образом.

Местный мир бессмертных был бесконечно далек от идеалов благопристойности. Здесь царило право сильного: возжелал что-то — бери, если хватит могущества. Желания практиков были просты и бесхитростны, а завидев такого ослепительного красавца, как Байли Фэн, многие без долгих раздумий пытались подчинить его себе.

«Будь я ценителем женской красоты, наверняка тоже потерял бы от него голову», — подумал Цзян Сяочжоу. Очарование — вещь измеримая. У каждого свои пристрастия, но подлинная красота признается всеми безоговорочно. Байли Фэн, вне всяких сомнений, относилась к этой высшей категории. Юноша попытался отыскать в памяти хоть кого-то для сравнения и невольно вспомнил Чжоу Ци — пожалуй, единственного, чей облик врезался ему в память ярче остальных.

Пожалуй, чисто внешне Байли Фэн превосходил даже главного героя.

«А если он действительно решит стать мужчиной?..» — мысль промелькнула внезапно, и Цзян Сяочжоу невольно вообразил себе мужской облик своего спутника. В ту же секунду он почувствовал, как сердце пропустило удар и забилось чуть быстрее.

Да, это зрелище определенно заставило бы чью-то душу трепетать!

Тем временем Байли Фэн продолжал обиженно бубнить себе под нос:

— Вот и пойми тебя: лицо у меня краше некуда, а ты нос воротишь.

Цзян Сяочжоу лишь покачал головой:

— Ты мне очень нравишься, глупыш, но исключительно как верный друг. Что же касается иной привязанности... — он на мгновение замялся, но все же решился открыть правду: — Видишь ли, меня привлекают только мужчины.

В этих краях подобным признанием никого нельзя было удивить. Большинство бессмертных вообще не обращали внимания на пол избранника: плотские радости и продолжение рода мало заботили тех, кто искал просветления. Парная медитация, использование сосудов-печей — в расчет принимались лишь врожденный талант и чистота духовных каналов, а мужчина перед тобой или женщина, оставалось делом десятым.

Простые смертные еще цеплялись за семейные узы и мечтали оставить наследников, ведь их век был недолог — от силы полсотни лет. Но те, кто ступил на путь самосовершенствования, грезил лишь об одном — о вечной жизни!

Каждый драгоценный камень, каждая крупица духовной силы тратились без остатка на собственное возвышение, на наследников ничего не оставалось. И чем ближе подступал предел отведенных лет, тем более эгоистичным и одержимым становился практик. К примеру, мастер на ступени Золотого Ядра получал триста лет жизни. Но если срок его подходил к концу, а заветный рубеж следующей ступени так и оставался недостижим, он готов был пойти на любые безумства ради спасения собственной шкуры. Судьба возможных детей волновала его меньше всего.

Лишь двое могли искренне желать обзавестись потомством: могущественные главы великих кланов, подобные Цзян Чангэ, да хранители уникального наследия, обязанные передать тайное знание дальше по крови.

— Тебе милы лишь мужчины? — Байли Фэн округлил глаза, мысли в его голове закружились вихрем, и он выпалил первое, что пришло на ум: — Так ты... влюблен в Чжоу Ци?

— С чего такие странные выводы? На свете полно других мужчин, — рассмеялся Цзян Сяочжоу.

Этот откровенный разговор окончательно разрушил остатки неловкости между ними. Юноша признал в своей спутнице близкого друга, а потому без стеснения делился сокровенным:

— Мне по душе люди мягкие, добросердечные и заботливые.

Байли Фэн мысленно вздохнул:

«Эх, брат Чжоу, похоже, твоя песенка спета».

Даже при всем желании она не смогла бы соотнести понятия мягкости и доброты с суровым обликом Чжоу Ци.

Пока они переговаривались, двухголовый феникс издал протяжный, чистый клекот и плавно опустился на вершину раскинувшегося впереди утеса.

Перед путниками предстала величественная горная гряда. Острые, как пики, кручи подпирали небосвод, теряясь в пушистых облаках. Склоны их кутались в изумрудное покрывало первозданных лесов, уступая место вечным снегам ближе к вершинам. Среди скал змеились хрустальные реки, а из чащи доносились голоса птиц и грозный рык лесных обитателей, наполняя эти суровые края неукротимой жизнью.

— Сяочжоу, посмотри, — с нескрываемой гордостью произнес Байли Фэн, указывая на расстилающийся внизу пейзаж. — Это Гора Боевых Зверей, обитель нашей Секты Повелителей Зверей. Нам туда. Сейчас стража доложит о нашем прибытии, снимет защитный барьер, и мы сможем войти.

Каждая уважающая себя секта обносила свои владения мощным защитным массивом. Обыкновенно чужакам требовалось разрешение на вход, тогда как покинуть территорию можно было беспрепятственно. Впрочем, при желании глава мог изменить настройки барьера, обязав докладывать о каждом перемещении.

В смутные же времена защита переводилась в глухой режим: тогда никто снаружи не мог проникнуть внутрь, а запертые в стенах обители не имели возможности выбраться наружу.

Совместный полет под облаками заметно сблизил их. К тому моменту, как они достигли ворот Секты Повелителей Зверей, от прежней отчужденности не осталось и следа.

Близость двух душ всегда легко угадать по их физическому притяжению. Байли Фэн без тени смущения схватил Цзян Сяочжоу за руку, помогая ему спуститься со спины Шуаншуан на твердую землю. В его груди разлилось теплое, необъяснимое чувство гордости.

«Каков же я все-таки молодец! — ликовал юноша. — Судя по его повадкам, Сяочжоу еще ни с кем не вел себя столь непринужденно. Похоже, я стал первым, кому он открыл душу».

От этой мысли на душе у него стало невыразимо радостно.

<http://bllate.org/book/20178/2145530>